



Алексей Просвет

г. Энгельс

Крёстная

Повесть

*(Продолжение. Начало в № 9-10/2016,
№ 7/2017)*

Ну вот, напекла блинов Антонина. Хотела присесть отдохнуть, да спохватилась, вспомнив про картошку в летней кухне, которая наверняка давно уже сварилась. Поспешила в летнюю, опять досадуя на больные ноги и помянув недобрим словом того колдуна.

Картошка сварилась. Надо было во что-нибудь бульон слить да с молоком её натолочь. Или так, с маслицем оставить. А кастрюлю в фуфайку обернуть, чтоб не остывала, – крестницы приедут как раз к горяченькому.

Антонина вышла на двор с кастрюлей, чтобы занести её в дом. Увидев хозяйку, пёс залез на лаем.

– Цышка, етить твою медь, чего растявкалился? А ну, цыц! Не про твою честь. Ишь, учуял он. Пошёл вон.

– Крестная! Тётъ Тонь! – окликнул её кто-то за калиткой.

Она обернулась и увидела заходящую в калитку крестницу Нину.

– Ой, Ниночка приехала! Приехала, родненькая! – Не зная, что делать с горячей кастрюлей, Антонина поставила её на лавку у крыльца и с широко распростёртыми руками поспешила навстречу, готовясь обнять и расцеловать крестницу. – Ну наконец-то, – сказала она, уже не сдерживая слез радости. – Заждалась!

Тоня обняла крестницу и, трижды с ней поцеловавшись, сквозь слёзы спросила:

– А что же ты, Ниночка, одна? А ребята твои где? А Люда? Ну хорошо, как хорошо, приехала! – и опять заключила крестницу в горячие объятия. – Ой, а худая-то какая, так и не поправилась. Ну вся в Лёньку. Вся в папку своего.

Наконец женщина отпустила Нину, фартуком утёрла слезы и вернулась к вопросу:

– И что ж ты, Ниночка, одна-то приехала?

– Нет, крёстная, не одна. Все мы приехали.

– Где же? На чём?

– На машине. Вон, Валентин ищет, где ему лучше встать.

– Какой Валентин?

– Сын мой старший!

– Ой, старая голова, совсем бестолковая стала. Ты уж прости, Нинуль. Так я покажу, куда ставить, – спохватившись предложила Антонина. Выйдя за калитку, она махнула рукой «жигулям» 9-й модели и показала подходящее место для стоянки.

– Машину купили? – спросила Антонина.

– Это Валентин купил!

– А я-то и не поняла сначала, всё думала, что Валентин твой в школу до сих пор ходит. А машина новая?

– Нет. Подержанная. И квартиру купил тоже. Конечно, немного помогли. А так он сам.

– Зарабатывает хорошо?

– Да какой там.водителем на КамАЗе работает. Он ведь из армии вернулся. Ему боевые выплаты за то, что в Чечне воевал.

– Ах ты, батюшки мои, воевал! Ой, Ниночка, натерпелась-то, наверное? – женщина снова утёрла фартуком слезу.

Тем временем «жигули» остановились и из машины вышли три парня, распрямляя затёкшие от долгой езды спины, а за ними вышла девушка с ребёнком на руках.

– Это ребята твои? Какие большие.

– Да уж, крёстная, большие все стали,
– сказала Нина, а потом обратилась к сыновьям: – Так, мальчишки, доставайте всё из машины и в дом.

– Да подожди, Нинуль, – остановила Антонина. – Дай хоть посмотрю на ребят... – Она подошла к парням. – Ой, вы мои хорошие. Это ж надо, приехали. Не забыли старую бабу Тоню. – Антонина внимательно осматривала каждого по очереди: – Валечка, какой ты стал, возмужал. А ты, наверное, Лёша? Узнала, помню. Ой, Нинуль, а твой средний – ну вылитый Лёнька. Ну копия! Только Лёнька волосы зачёсывал по-другому, – и опять в слёзы. – Вот не дал Господь дожить. Вот посмотрел бы. Вот порадовался бы. – Подошла к младшему. – А это Артёмушка? Ой, какой вырос. Ну, его не забудешь, и ни с кем не перепутаю. Помнишь, как был маленьким, в гости приезжал, рядышком с бабой Тоней спал. Как же, самый маленький, любимчик мой.

– Помню, – смущаясь, ответил парень.

– Ох, а как капризничал... не уложишь. Был по пояс, а сейчас на целую голову выше меня. Ну иди ко мне, поцелую тебя, Тёмушка, – а поцеловав, обратилась к Нине: – Ну, Ниночка, все они у тебя статные получились. Все в нашу родню. В Зоботиных! – сказала Антонина, а затем обратила внимание на девушку с ребёнком, что стояла рядышком с Валентином.

– Нинуль, а это кто? – тихонечко спросила она крестницу.

– Знакомься, крёстная, это Вера, жена Валентина, и дочка их – Настенька.

– Так что же это, Нинуль, получается? Внучка твоя?

– Да, внучка! Я сама теперь бабушка.

– Ой, как же время-то бежит, – на глаза опять навернулись слёзы. – Ты же сама была недавно такой же, как Настенька. А тут, Нин, вот как получается...

Антонина повернулась к Вере:

– Ой доченька, иди скорей ко мне, – и, обняв её, поцеловала маленькую Настю. – Родные, все родные, главное, живите дружно не ссорьтесь. Муж и жена должны быть как единое целое. Вот мы с Николаем всю жизнь живём дружно.

– Крестная, мы тут тебе гостинцев привезли! – сказала Нина.

– Ну зачем? Зачем тратились? Всё у нас с Николаем есть! Всего хватает. Живём в достатке. И так вы на дорогу к нам потратились. Нинуль, а Людочка что? Приедет? Или нет?

– Как не приедет? И она приехала! Они с Сашей за нами на «волге» ехали, просто у местного магазина остановились. Сейчас подъедут.

Не успела Нина договорить, как к забору подъехала белая «Волга ГАЗ-24» и остановилась рядом с «жигулями». Из машины вышла крестница Людмила, высокая женщина в теле. Поправив очки и вытирая пот со лба носовым платком, она с раздражением обратилась к мужу:

– Саш, ну вот что ты за человек? Смотри, как близко к «жигулям» встал. Я дверь открывала, чуть не стукнула.

– Нормально, Люсь, я остановился! Что тыечно? То то не так, то это не эдак.

Выждав момент, пассажир на заднем сиденье широко открыл дверцу и с важным видом вышел: им оказался дед Николай. Поправив пиджак и нахлобучив кепку на брови, он приподнял голову и огляделся, проверяя, видят ли его соседи. Убедившись, что все прекрасно видели, как он подъехал к дому на «волге», дед не спеша пошёл к калитке.

– Ой, Людочка приехала! – обрадовалась Антонина и стала обнимать старшую крестницу. – Нашла для нас всё-таки время, приехала, порадовала стариков.

– Здравствуй, тётъ Тонь. Я же дорогу дальнюю переносу плохо, вот и езжу редко, – объяснила Люда, а затем повернулась к мужу. – Саш, ну что ты там встал, иди сюда.

– Ой, Людочка, – опять, не сдерживая слёз, заговорила Антонина, – радость-то какая. Ну слава Богу, все собрались. Иди, ещё раз поцелую да посмотрю, какая ты красивая стала.

– Вот такая, тётъ Тонь, я стала. Опять поправилась. И на диету садилась – ничего не помогает.

– Значит, Богу было угодно сотворить тебя такой. Это у тебя в Еленину родню, тут уж ничего не поделаешь. Какие ни есть, все вы для меня родные и любимые. – А потом, спохватившись, обратилась ко всем: – Да что ж это я вас у калитки-то держу, пойдёмте в дом, устали, наверное, с дороги-то.

Увидев неторопливо идущего деда Николая, Антонина остановилась.

– А ты? Явился? А ну иди сюда.

– В чем дело, Тося? – с некоторой деловитостью ответил дед.

– Иди-ка ты сюда, щас узнаешь, как в летней кухне на дозаправку останавливаться!

Дед остановился в растерянности.

– Нашла всё-таки... – обречённо вздохнул он.

– Нашла, нашла. А ну поди сюда. Чего ты там возле машины околачивался? Ну прям как директор фабрики, поглядите на него! Начальник, не меньше. Что ты там павлином ходишь? Хватит, увидели тебя соседи. Чего выкаблучиваешься? Вот я тебя дрыном-то по хребту! Пусть тоже все посмеются.

Дед стал похлопывать себя по карманам, делая вид, будто что-то потерял.

– Вот незадача-то, – сказал он.

– Чего ты там ищешь?

– Спички у меня были. Наверное, в машине потерял, пойду посмотрю, – и дед поспешил обратно к сиденью «волги».

– А ну вернись! Какие спички, ты их никогда с собой не носил.

– На сдачу мне их, Тось, дали, – нашёлся с ответом дед и захлопнул за собой дверь. Все гости и даже Антонина засмеялись над дедом.

– Спрятался он от меня.

– Крёстная, ты его уже теперь не достанешь, – с иронией сказала Нина. – Он теперь изнутри закрылся. Подождёт, пока всё не уляжется, и сам подойдёт.

– Верно, – ответила Антонина, – как нашкодивший кот. Ну и сиди там, котяра! – повернувшись к автомобилю, крикнула Антонина. А потом обратилась к гостям: – Ну что ж я вас всё держу, пойдёте в дом. – А по дороге к дому спросила: – Людочка а как он у вас в машине оказался?

– Мы его, тётъ Тось, в магазине встретили. Я его сначала не узнала, сам к нам подошёл. – Потом обратилась к мужу: – Саш, я совсем забыла, там в машине пакеты с колбасой и ветчиной, сходи принеси.

– И ты туда же, Людочка, ну зачем вы тратились, всё у нас есть, всего в достатке. Мы по здешним меркам хорошо живём с Николаем. Мы, Заботины, всегда жили в достатке. Вот наш дед был кулаком – знаешь,

как жили? Всё трудом зарабатывали, всегда богаты были. Но для нас, Заботиных, самое большое богатство – это родня. Уж этим-то мы никогда не обнищаем. Тем более и родни у нас прибавилось. – Антонина с теплотой и улыбкой посмотрела на жену Валентина и их дочь. – Вот и Настенька у нас есть. – А потом вдруг в замешательстве посмотрела на Веру и обратилась к ней. – Внучка, ты уж прости меня, старую, как звать-то тебя? Забыла...

– Вера.

– Да, вот и Верочка у нас есть, – продолжила Антонина, – а там, глядишь, ещё будут. И мальчики твои, Нинуль, женятся, у них тоже будут дети. Так что мы богатые и станем богаче год от года. А деньги – что деньги? Они непостоянные. Случится что, так всей роднёй собрались и помогли, – вот в чём сила и богатство Заботиных. Чем нас больше, тем мы сильнее. Главное, живите дружно, роднитесь. Это ещё наша мамка говорила, то есть ваша бабка Прасковья.

Все подошли к крыльцу.

– Людочка, – сменив тему, спросила Антонина, – а что ж твои ребята-то не приехали?

– Тётъ Тонь, некогда им. Вова мой работает, а Ирина к Сашиной маме на весь отпуск поехала. А у Вовки-то ещё в этом году сын в первый класс пойдёт.

– Такой большой уже? – удивилась Антонина. – А я и не знала, вы же не писали. Вот бы поглядеть, а то когда вы ещё приедете. Помру, наверное, раньше.

– Брось, тётъ Тонь, увидишь ещё, – ответила Люда.

Они вошли в дом и огляделись.

– Проходите, мои родные, располагайтесь. Вы уж простите, не успела немного, думала, вы позже будете, а вы на машинах. Я сейчас, милые.

– Крёстная, не суетись ты так, сейчас мы сами всё сделаем, – стала успокаивать Нина. – Вон у меня мальчишки какие... ты говори, что надо делать.

– Тогда пусть столы из летней кухни под яблоньки поставят, а мы на стол всё вынесем.

– Саш, – позвала мужа Люда, – ты куда мои таблетки-то дел? Голова у меня разболелась. Давление, наверное.

– Людочка, а ты поди в комнату приляг, – отозвалась Антонина. – Я тебе отвар заварию, лучше всяких таблеток помогает.

– Не надо, тётъ Тонь. Я лучше таблетку выпью, привыкла к ним уже. Бывает, на работе с накладными нестыковки, переругаешься со всеми в пух и прах, давление поднимается, – этими таблетками только и спасаюсь. А сейчас лето, жара. Аллергия на тополиный пух. Дышать вообще нечем. Отдышка постоянно, чуть ли не задыхаюсь. В кабинет свой на второй этаж поднимаюсь, и всё, задыхаюсь, как будто марафон бежала.

Она опять позвала мужа:

– Саш! Нашёл? Воды принеси запить, – и продолжала разговаривать с Антониной. – А нервы совсем ни к чёрту с этой работой. Я вот иногда думаю, уж лучше бы я, как Нина, шитьём занималась или ещё чем-то подобным.

– Людочка, – сочувственно ответила Антонина, – ты уж береги себя. Все болячки – они от нервов. Тем более ты начальница, за всех переживаешь. Береги себя, отдохни с дороги. А я пойду картошку с улицы заберу.

Антонина вышла во двор.

– Баб Тонь, куда стол ставить? – спросил младший сын Нины, Артём.

– Под яблоню.

Артём с Валентином понесли стол, а Антонина дала следующее распоряжение:

– Алёш а ты скатерть там в летней возьми, клеёчатая такая, справа в углу. А мы сейчас тарелки выносить будем. Дед! – окрикнула она с крыльца. – Долго ты там ещё сидеть будешь? Выходи, работа для тебя есть.

– Я здесь, Тось, – отозвался дед рядом с крыльцом.

– Тьфу ты, чёрт старый, напугал, – и, перекрестившись, добавила. – Вот грешить заставляешь, чертыхаться стала из-за тебя. Ладно, можешь пока не прятаться. Слушай меня. Ступай к деду Фёдору и к бабе Шуре, к нашим, в общем. Пускай приходят.

– Есть «звать гостей»! – отдав воинское приветствие, ответил дед Николай.

– Ты прекратишь наконец паясничать? Обрадовался он, простили его. Ступай уже.

Дед вышел со двора. Проводив его взглядом, Антонина забрала картошку и вернулась к крестницам.

– Ну вот и картошечка, не остыла ещё.

– Крёстная, да ты присядь, мы сами всё сделаем. Мы и тебе гостинцев привезли.

Вера, помоги мне всё из пакетов достать, – сказала Нина. – Вот, крёстная, тебе халат сшила, по дому ходить. И ещё платье привезла.

– Какие же красивые, – рассматривая обновки, радовалась Антонина. – И материал-то какой хороший. А я давеча в магазин ходила, так там халаты одни махровые...

Нина продолжала доставать вещи:

– Дядь Коле рубашку фланелевую привезла на осень. Бельё постельное двуспальное, сшила вам два комплекта. И ребята мои деду Николаю музыкальный центр привезли с пультом управления.

– Чего с чем? – переспросила Антонина.

– Ну, в общем, проигрыватель музыкальный. Музыка, радио слушать. Заодно и новости узнавать будете. А то кроме радио «Россия» ничего не слушаешь, – ответила Нина.

– Я его вообще, Нина, не слушаю, это у меня Николай программы по заявкам и передачи музыкальные любит.

– Ему для этого и привезли. Тут много развлекательных программ.

– Ой, сколько кнопок, – взяв пульт, растерялась Антонина. – А какие нажимать? А как слушать? – приложив пульт к уху, спросила она.

– Нет, крёстная не так, – засмеялась Нина, – этим управлять. Мои мальчишки потом покажут и всё объяснят.

– А я-то думала, – засмеялась Антонина, – как в телевизоре, они там к уху подносят, слушают и говорят.

– Так это телефоны там показывают.

– Ну хорошо. Теперь мы с Николаем, как современные люди, будем в курсе всех событий.

– Я тут продуктов тебе привезла... – возьась с пакетами, сказала Нина.

– Зачем же, Ниночка, ну ведь всё у нас есть.

– Такого, что я привезла, у вас тут не продают. Вера, – обратилась она к золовке, – поставь пока в сени, а потом баба Тоня сама разберётся, что и куда девать.

Из спальни вышла Людмила.

– Вроде бы полегчало, – сказала она. – Я тоже тебе, баб Тонь, кое-чего привезла, там, в пакетах. Надо бы распаковать, там продукты и тёплые вещи, мы с Сашей маме

покупали, а они ей велики, вот и привезли, тебе они будут как раз впору.

– Спасибо, крестница, спасибо, – утирая слезу, отвечала Антонина. – Потрапились вы на стариков.

– Перестань, крёстная, – в один голос стали успокаивать Антонину крестницы.

– А я-то, старая, – продолжала Антонина, – с дедом сама гостинцев купила, ребятам вашим, конфеток, яблочек, а они у вас уже большие и есть их не станут.

– Брось ты так переживать, тётъ Тонь, – стала заверять её Людмила. – Есть у нас кому конфеты и яблоки пробовать, и Настёнка, и Вовочкиному сыну отвезу, скажу, что ты передала.

– Ох, и правда, – успокоилась Антонина.

– Если ещё доведём, – добавила Нина. – А то мальчишки до сих пор сладкое любят, так что не переживай.

– А Тёмка? Всё такой же сладёна? – улыбнувшись, спросила Антонина.

– Нисколько не изменился.

– Ай, молодец! Помню, когда придет маленький, так все конфеты втихаря потаскает. Ну, слава богу, к месту мои гостинцы придутся.

– Ну что, крёстная, командуй, а мы управляться будем, – сказала Нина и обратилась к Вере: – А ты Настеньку уложи.

– Она, наверное, до вечера будет дремать, а потом всю ночь спать не даст, – ответила Вера.

– Ну ничего, это даже хорошо, что в доме будет слышаться детский голос, а то давно у нас с дедом такого не было, нам, старикам, только в радость, – сказала Антонина.

В доме началась предзастольная суэта, доготавливали и дорезали продукты, привезённые из города. Выносили к столу уже приготовленные Антониной разные блюда. На двор стали подходить и зазванные дедом Николаем гости. Тоже не с пустыми руками. Кто чем богат, то и на стол поставить был рад. Дед Матвей принёс сала копчёного. Баба Шура – грибов маринованных. Баба Надя и дед Фёдор котлет свиных нажарили, принесли в эмалированной пятилитровой кастрюле.

Когда Антонина зашла в дом, Нинины сыновья как раз обучали деда Николая пользоваться музыкальным центром и пультом

управления. Увидев Антонину, дед Николай поспешил похвастаться своим подарком.

– А ну-ка погляди, Тось, что за штука, – дед нажал кнопку на пульте, заиграла громкая музыка.

– Ой, сделай тише.

– Можно и потише, а можно и на другую передачу переключить, – и он переключил. – Вот, хочешь – зарубежный, хочешь – русский. – Николай снова нажал кнопку на пульте, но, видно, ошибся, потому что музыка зазвучала ещё громче.

– Выключай сейчас же! – пытаюсь перекричать музыку, заругалась на деда Антонина.

– Пардон, мадам, – выключив музыку, сказал дед Николай. – Накладочка вышла, ну ничего, инструкцию поподробней прочитаю и всё.

На звук музыки в дом вошла Нина.

– Что тут у вас?

– Николай осваивает аппарат, – сказала Антонина. – Как ребёнок игрушке радуется. – Ай! – махнув рукой, добавила: – Что стар, что млад!

– Тось, вещь-то хорошая, а главное – полезная. Передачи разные. Можно переключать прямо из кухни, – ответил ей дед.

– Ой, Нина, – обратилась к крестнице Антонина, – зря вы ему привезли этот проигрыватель, он же, окаянный, теперь даже с кровати вставать не будет.

– Антонина, – возразил дед, – я так скажу: музыка в доме должна быть всегда. А тут ещё новости каждый час. Вот сейчас передавали, что на МКАДе пробки образовались.

– Да где же этот МКАД находится? И что за пробки?

– Вот заодно и узнаем, когда слушать будем. Теперь мы в курсе всех событий будем, – привёл свои аргументы дед.

– Раз так, пускай будет, – согласилась Антонина.

– Вот и я тебе говорю, Тосенька, вещь-то полезная, как ни крути.

– Ну тебя, старый, заладил! Полезная, полезная. Ты бы лучше переоделся. За стол ведь скоро.

Стол накрыт. Гости расселись. К столу вышел дед Николай. В парадном пиджаке, который он одевал только по случаю Дня Победы. При медалях, в начищенных до

блеска сапогах. А Антонина вышла к гостям в белом платке и в новом платье, подаренном крестницей Ниной. Дед Николай, как истинный кавалер, держа осанку и военную выправку, слегка придерживал Антонину под локоток. Подойдя к столу, учтиво пододвинул ей стул, тихо прокашлялся и присел рядом.

– Ну прям таки жених и невеста, – пошутил дед Фёдор. – Все за столом засмеялись.

– Не знаю, как насчёт жениха, а вот, судя по виду, Николай на генерала похож, – подержала шутку баба Шура.

– А что, мог бы и генералом стать. Я лейтенант запаса, – ответил дед Николай. – А по поводу жениха и невесты – это правда. Мы с Тосей молодожёны.

– Это как? – спросила Людмила.

– А вот так! У нас с Тосей 6 лет прошло после свадьбы, а это считается молодая семья. То есть молодожёны.

– Да какие шесть лет? Ты о чём? – спросила Нина.

– А такие шесть лет! После золотой свадьбы. Так-то мы с Тосенькой – золотые молодожёны. Вот официально с сорок седьмого года и зарегистрированы. Могли бы и раньше, только я всё после фронта по госпиталям.

– Все гости заулыбались, только Нина и Людмила после слов Николая на секунду задумались. А Антонина, словно прочитав мысли крестниц, тихонько шепнула им:

– Ничего, ничего, да и откуда вам это было знать. Я вам и не написала об этом. Мы с Николаем никому не говорили, вдвоём тихонечко справили. – А потом повернулась к шутившему с гостями деду и сказала ему: – Ну, дед, хватит языком без толку молотъ. Давай говори тост. Ты у нас как старший, тебе первому слово.

– Дед Николай встал с рюмкой в руке и начал:

– В общем так, мои дорогие. Я, конечно, в ораторском искусстве полный профан, так что скажу просто, по-нашенски. Вот собралось за этим столом столько дорогих мне людей, и сердце моё радуется, что под старость лет и родные есть, и друзья. В этом-то и состоит наше самое главное богатство. И знаю я, что в свои годы мы с Тосей не обеднеем и будем жить в достатке... вашей

любви и заботы о нас, – дед стёр накатившую на глаза слезу. – Эх, сентиментальный стал, наверное, старею. – Снова перевёл всё в шутку дед Николай.

– Только заметил? А я-то думала, что уж лет 40 тому назад увидел, – перебив его, засмеялась Антонина.

– Цыц, не перебивай! – ответил дед. – Вообще хорошо, что вы приехали и все вместе собрались.

– Так за что пьём-то?! – выкрикнул дед Матвей.

На что дед Николай погрозил ему кулаком. Не всерьёз, конечно.

– В общем, за встречу и с приездом, – в заключении сказал дед Николай.

И потекло застолье в мирной, простой, непринуждённой домашней обстановке. Все шутили, смеялись, делились новостями. Дед Матвей, Фёдор и Николай вели оживлённую беседу с сыновьями крестницы Нины. Баба Шура, Антонина и баба Надя не могли оторваться от крестниц. А когда проснулась Настенька, и Вера вынесла её на улицу, старики обрадовались: всем хотелось подержать её на руках, приголубить и понянчить. Потом дед Николай вынес на улицу свой подарок и, хвастаясь перед Фёдором и Матвеем, стал демонстрировать его во всей красе и технических возможностях.

Начались танцы. Танцевали в основном старики, но не долго – устали. Зато во время танцев казалось, что они забыли про свой возраст. Бабушки были девчатами, дедушки – разудалыми парнями. Танцевали от души, искренне радуясь друг другу.

Присела Антонина отдохнуть. Посмотрела на крестниц, детей, рассказывающих что-то старикам, на стариков, кивающих головой с серьёзным видом в знак согласия. На Верочку с Настенькой и на Александра, мужа Людмилы. И такое умиротворение царило в её душе, такой покой. Сидела и радовалась. И не было в тот момент никого счастливее её на всём белом свете. Она упивалась каждым мгновением, проведённым рядом с крестницами. Словно пыталась заполнить пустоту между их несчастными встречами, чтобы эмоций хватило до следующего раза.

(Продолжение следует...)